

А. В. Сухово-Кобылинъ.

Въ лицѣ А. В. Сухово-Кобылина русская литература понесла весьма чувствительную утрату, не смотря на то, что покойный писатель написал такъ мало, только одну «трилогию». Существуют таланты, у которыхъ въ душѣ «зрѣеть» только одна пѣсня. Одну пѣсню, собственно говоря, спѣлъ Гуно—въ своемъ «Фаустѣ». Одна пѣсня только и была въ душѣ А. В. Сухово-Кобылина. Эта пѣсня, связывающая въ одно цѣлое три пьесы, написанныя покойнымъ—«Свадьба Кречинскаго», «Дѣло» («Отжитое время») и «Веселые расплюевскіе дни»—есть общественная сатира, рисовавшая крѣпостную Россію, въ ея бюрократическомъ произволѣ и лѣнивой, сонной безпомощности обывательской жизни. По выраженію одного изъ героевъ «Дѣла»,—«правда вмѣстѣ съ кровью изъ горла хлынула». Если въ «Свадьбѣ Кречинскаго» эта сторона нѣсколько ступевана, и на первый планъ выдвинута бытовая,—то «Дѣло» и «Веселые расплюевскіе дни» можно смѣло поставить на одну доску съ сатирой Щедрина, Варравины и Тарелкины—не только взяточники. Это—виртуозы, поэты взятки. Кляуза и прижимка возводятся въ нѣкоторый спортъ, являются предметомъ состязанія на «рѣзвость», изобрѣтательность и остроуміе взяточничества.

«Веселые расплюевскіе дни», поставленные въ 1900 г. на сценѣ театра Литературно-художественнаго общества, были лучше приняты публикою, нежели критикою, отнесшеюся къ этой веселой и интересной комедіи, какъ къ легковѣсному фарсу. Публика угадала въ этой пьесѣ, написанной со свойственнымъ автору широкимъ размахомъ, живое содержаніе, ядовитую сатиру, образы замѣчательной мѣткости и яркости. Смѣхъ Сухово-Кобылина увлекъ публику, несмотря на нѣкоторую архаичность формы, совершивъ чудо «воскрешенія» отжитого времени.

Расплюевъ—образъ, занимающій въ русской литературѣ мѣсто, подобное Хлестакову, Манилову, Молчалину, Репетилову. Сухово-Кобылинъ уловилъ въ Расплюевѣ ту крайнюю степень беззаботности, которая не то что примиряетъ, но дѣлаетъ возможнымъ существованіе расплюевщины. Расплюевщина—это то же, что французское je m'en fiche, полная беззаботность насчетъ морали, какихъ либо правилъ, какого либо самоуваженія. Расплюевъ вездѣ, какъ вездѣ Хлестаковъ. Если сегодня—это фактумъ Кречинскаго, помогающій шулерничать и мошенничать, битый и оплеванный, то завтра это—чиномъ выше—сподвижникъ Варравина. И во всѣхъ сферахъ жизни, во всѣхъ степеняхъ ея, найдете вы немножко Расплюева, которому, такъ или иначе, намнутъ бока, а онъ воспринетъ, потому что брань на вороту не виснетъ и стыдъ не ѣстъ глаза,—воспринетъ, и такъ же вкусно, съ тѣмъ же циническимъ легкомысліемъ, начнетъ сызнова свою дѣятельность «свободнаго художника»... Около всякаго Кречинскаго всегда вьются ласточками, «мелкой пташкой», Расплюевы, съ ошипанными перьями и встрепаннымъ хохолкомъ.

Расплюевъ со своими афоризмами вошелъ

въ сознаніе каждаго образованнаго русскаго человѣка. Чего стоитъ одно изреченіе его насчетъ «бокса»! Трудно, невозможно лучше выразить въ одной фразѣ всю сущность расплюевской души, весь характеръ расплюевского міросозерцанія. Вотъ ужъ именно, по поговоркѣ, напоминающей звукомъ имя Расплюева—«не сплевались, расплевались, оботремся, какъ сьумѣемъ».

Большой сатирикъ умеръ въ лицѣ Сухово-Кобылина. «Сатира или мораль»? спрашиваютъ въ «Горѣ отъ ума». Недаромъ сдѣлано это сопоставленіе. Когда вдумываешься въ исторію русской литературы, то видишь, что надъ сердцами людей и умами читателей всегда властвовали или сатирики или моралисты,—никогда или очень рѣдко и ненадолго, во всякомъ случаѣ,—писатели объективнаго характера.

Сатира, какъ средство обличенія несовершенствъ,—мораль, какъ средство обновленія жизни. Часто, начавъ съ обличенія, какъ Гоголь, наши писатели переходили на мораль. «Зачѣмъ же все бѣдность да несовершенства жизни?»—воскликаетъ Гоголь, и ударяется въ мораль, которой цѣнность столь уступаетъ цѣнности его сатиры. Сухово-Кобылинъ остался и былъ только сатирикомъ. Его не увлекла столь заманчивая роль моралиста, и всѣ три комедіи его проникнуты однимъ и тѣмъ же безпощадно-злымъ тономъ обличенія. Въ его писательской личности нѣтъ противорѣчій. Онъ не боится, что будетъ дурно понятъ и истолкованъ,—и послѣдовательно, трезво и ясно преслѣдуетъ задачи обличенія, негодуя, возмущаясь и протестуя.

Весьма возможно, что обстоятельства личной жизни (извѣстно дѣло, въ которое былъ въ молодости запутанъ Сухово-Кобылинъ), такъ повліяли на него, «заквасили» разъ на всегда его душу.

Среди колеблющихся, подверженныхъ сомнѣніямъ русскихъ писателей, Сухово-Кобылинъ представляетъ фигуру исключительную по своей цѣльности. Написавъ мало, онъ написалъ много, и въ этомъ многомъ—все едино.

Нотa novus.

Умеръ одинъ изъ послѣднихъ могикивъ русской драматической литературы, авторъ знаменитой, неувядаемой пьесы «Свадьба Кречинскаго», Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ. Умеръ онъ на 84 году отъ роду, во Франціи, куда онъ въ прошломъ году ѣздилъ вмѣстѣ со своимъ племянникомъ, извѣстнымъ писателемъ гр. Е. А. Салиасомъ.

Сынъ очень богатаго помѣщика Московской губерніи, покойный А. В. Сухово-Кобылинъ получилъ въ дѣтствѣ блестящее домашнее образованіе, обучаясь вмѣстѣ со своей сестрою, впоследствии извѣстной писательницей Евгеніей Туръ (графиня Салиасъ), у профессоровъ московскаго университета и въ этомъ же университетѣ впоследствии слушалъ лекціи, преимущественно по философіи. Въ этой области науки будущій авторъ «Свадьбы Кречинскаго» особенно увлекся философіей Гегеля, которую онъ изучалъ и переводилъ впродолженіе многихъ лѣтъ.

«Свадьбу Кречинскаго» покойный А. В. Сухово-Кобылинъ написалъ въ 1854 году. Пьесу эту онъ написалъ въ московской тюрьмѣ, куда онъ посаженъ былъ по доносу якобы за убійство. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ найдена была убитою нѣкая француженка Диманшъ. Судяги дореформеннаго правосудія, зная, что молодой помѣщикъ Сухово-Кобылинъ очень богатъ и что, между прочимъ, онъ тоже знакомъ былъ съ убитою француженкой, винули его въ это дѣло и засадили въ тюрьму. Но благодаря вмѣшательству вліятельныхъ лицъ, ему удалось вырваться изъ цѣпкихъ лапъ подъячихъ добраго стараго времени. Впоследствии А. В. Сухово-Кобылинъ изложилъ всѣ свои мытарства и зловключенія по этому дѣлу въ пьесахъ «Дѣло» и «Смерть Тарелкина».

Послѣдняя пьеса разрѣшена была къ постановкѣ только три года тому назадъ и, подъ заглавіемъ «Расплюевскіе веселые дни», поставлена была на сценѣ здѣшняго Малаго театра. Покойный А. В. Сухово-Кобылинъ пріѣзжалъ тогда (въ 1900 г.) въ Петербургъ и присутствовалъ на представленіи этой пьесы.

Что касается «Свадьбы Кречинскаго», то сюжетомъ для нея послужилъ ходившій въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія по Москвѣ анекдотъ о нѣкомъ свѣтскомъ франтѣ, кото-

три комедии его проникнуты одним и тем же беспощадно-злым тономъ обличенія. Въ его писательской личности нѣтъ противорѣчій. Онъ не боится, что будетъ дурно понять и истолковать,—и послѣдовательно, трезво и ясно преслѣдуетъ задачи обличенія, негодуя, возмущаясь и протестуя.

Весьма возможно, что обстоятельства личной жизни (извѣстно дѣло, въ которое былъ въ молодости запутанъ Сухово-Кобылинъ), такъ повліяли на него, «заквасили» разъ на всегда его душу.

Среди колеблющихся, подверженныхъ сомнѣніямъ русскихъ писателей, Сухово-Кобылинъ представляетъ фигуру исключительную по своей цѣльности. Написавъ мало, онъ написалъ много, и въ этомъ многомъ—все едино.

Нотъ novus.

Умеръ одинъ изъ послѣднихъ могиканъ русской драматической литературы, авторъ знаменитой, неувядаемой пьесы «Свадьба Кречинскаго», Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ. Умеръ онъ на 84 году отъ роду, во Франціи, куда онъ въ прошломъ году ѣздилъ вмѣстѣ со своимъ племянникомъ, извѣстнымъ писателемъ гр. Е. А. Салиасомъ.

Сынъ очень богатаго помѣщика Московской губерніи, покойный А. В. Сухово-Кобылинъ получилъ въ дѣтствѣ блестящее домашнее образованіе, обучаясь вмѣстѣ со своей сестрою, впослѣдствіи извѣстной писательницей Евгеніей Туръ (графиня Салиасъ), у профессоровъ московскаго университета и въ этомъ-же университетѣ впослѣдствіе слушалъ лекціи, преимущественно по философіи. Въ этой области науки будущій авторъ «Свадьбы Кречинскаго» особенно увлекся философіей Гегеля, которую онъ изучалъ и переводилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ.

«Свадьбу Кречинскаго» покойный А. В. Сухово-Кобылинъ написалъ въ 1854 году. Пьесу эту онъ написалъ въ московской тюрьмѣ, куда онъ посаженъ былъ по доносу якобы за убійство. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ найдена была убитою нѣкая француженка Диманшъ. Сутяги дореформеннаго правосудія, зная, что молодой помѣщикъ Сухово-Кобылинъ очень богатъ и что, между прочимъ, онъ тоже знакомъ былъ съ убитою француженкой, втянули его въ это дѣло и засадили въ тюрьму. Но благодаря вмѣшательству вліятельныхъ лицъ, ему удалось вырваться изъ цѣпкихъ лапъ подъячихъ добраго стараго времени. Впослѣдствіи А. В. Сухово-Кобылинъ изложилъ всѣ свои мытарства и злословія по этому дѣлу въ пьесахъ «Дѣло» и «Смерть Тарелкина». Послѣдняя пьеса разрѣшена была къ постановкѣ только три года тому назадъ и, подъ заглавіемъ «Расплюевскіе веселые дни», поставлена была на сценѣ здѣшняго Малаго театра. Покойный А. В. Сухово-Кобылинъ пріѣзжалъ тогда (въ 1900 г.) въ Петербургъ и присутствовалъ на представленіи этой пьесы.

Что касается «Свадьбы Кречинскаго», то сюжетомъ для нея послужилъ ходившій въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія по Москвѣ анекдотъ о нѣкомъ свѣтскомъ франтѣ, которому удалось получить у ростовщика крупную сумму подъ залогъ фальшиваго солитера.

Покойный А. В. Сухово-Кобылинъ очень огорчался тѣмъ обстоятельствомъ, что не смотря на громадный успѣхъ, которымъ пользовалась у публики «Свадьба Кречинскаго», онъ въ продолженіе 45 лѣтъ ни разу не встрѣтилъ въ періодической печати полного и серьезнаго разбора его пьесы.

— Критика почему-то меня постоянно игнорировала, жаловался покойный Сухово-Кобылинъ въ бесѣдѣ съ однимъ извѣстнымъ московскимъ журналистомъ,—и только успѣхъ у публики вознаграждалъ меня за эту несправедливость прессы. Вообще я вамъ долженъ сказать, что злой рокъ преслѣдовалъ мою пьесу съ самаго появленія на свѣтъ, и вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ это, но увѣряю васъ, что за 40 лѣтъ представленія «Свадьбы Кречинскаго» я совсѣмъ не получалъ никакого авторскаго гонорара.

— Надо вамъ сказать—продолжалъ далѣе покойный А. В. Сухово-Кобылинъ,—что когда я написалъ свою пьесу, я не имѣлъ намѣренія предназначать ее для сцены. Она цѣлый годъ ходила въ спискахъ по Москвѣ и имѣла не мало энтузіастовъ. Одинъ изъ такихъ, мой другъ Д. И. Потуловъ, настаивавшій на постановкѣ пьесы на сценѣ, привезъ какъ-то ко мнѣ покойнаго П. М. Садовскаго, бывшаго, какъ извѣстно, затѣмъ лучшимъ Расплюевымъ. Знаменитый артистъ, выслушавъ чтеніе пьесы у меня, за обѣдомъ, отнесся къ ней очень холодно и заявилъ, что она врядъ-ли можетъ быть воспроизведена на сценѣ. Замѣчательно, что Провъ Михайловичъ осудилъ именно тѣ сцены, которыя потомъ въ его-же исполненіи имѣли наибольшій успѣхъ. Компетентное мнѣніе гениальнаго артиста еще больше охладило меня къ постановкѣ «Кречинскаго». Но затѣмъ я познакомился съ С. В. Шумскимъ, который искалъ пьесу для бенефиса. Тогда у меня въ моей подмосковной деревнѣ, въ присутствіи С. В. Шумскаго, молодого Салиаса и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, устроилось новое чтеніе пьесы, на которомъ право ея на успѣхъ единодушно было признано всѣми. По театральнымъ правиламъ того времени пьеса, отданная въ чей-нибудь бенефисъ, считалась собственностью дирекціи, и авторъ не получалъ поспектакльной платы; зная это, я свою пьесу отдалъ при заявленіи, въ которомъ написалъ, что отдаю «Свадьбу Кречинскаго» на условіяхъ авторскаго вознагражденія. Какъ это случилось, — неизвѣстно, но моего заявленія при дѣлахъ театра не оказалось. «Свадьба Кречинскаго» въ одинъ сезонъ дала до 14-ти полныхъ сборовъ, потомъ ее поставили для бенефиса Бурдина въ Петербургѣ, а мои ходатайства о гонорарѣ оставались тщетными. Даже заступничество тогдаш-

наго министра Двора гр. Адлерберга передъ начальникомъ театральнаго управленія Геденовымъ не возстановило моихъ правъ. Послѣ тяжелыхъ испытаній въ эпоху Дубельта, отъ котораго зависѣла цензура пьесъ, лишеніе меня авторскаго гонорара было новымъ ударомъ. Пьеса считалась собственностью театровъ и свободно давалась на сценахъ обѣихъ столицъ. Озлобленный этимъ, я напечаталъ въ 70 годахъ письмо, которымъ давалъ всѣмъ частнымъ и провинціальнымъ театрамъ разрѣшеніе бесплатно играть «Свадьбу Кречинскаго». Только потомъ благодаря ходатайству министра Двора гр. И. И. Воронцова-Дашкова, мое дѣло было доведено до Высочайшаго воззрѣнія, и Государю Императору благоугодно было пожаловать мнѣ 5,000 руб. Признаніе моихъ авторскихъ правъ на дальнѣйшія представленія «Свадьбы Кречинскаго» на казенныхъ сценахъ теперь уже невозможно; только въ послѣднее время я сталъ членомъ общества драматическихъ писателей, которое оберегаетъ мои права въ провинціи и на частныхъ сценахъ. Но согласитесь, что то, чего я не получилъ раньше съ частныхъ сценъ, значительно больше того, что я могу еще получить съ пьесы, которая, обойдя всѣ русскія сцены, теперь, уступая новѣйшему современному репертуару, дается рѣже. Дальше мои терзанія не прекращались: по причинамъ, отъ меня независящимъ, мое «Дѣло» увидѣло сцену лишь черезъ 20 лѣтъ, а «Смерть Тарелкина», подъ заглавіемъ «Расплюевскіе веселые дни», попали на сцену только черезъ 45 лѣтъ послѣ того, какъ я ихъ написалъ.